

На правах рукописи

Кузьмин Кирилл Евгеньевич

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ 1931–1945 ГГ. В КИТАЙСКО-
ЯПОНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Иркутск – 2024

Работа выполнена на кафедре мировой истории и международных отношений исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Кузнецов Сергей Ильич

Официальные оппоненты: **Дацышен Владимир Григорьевич**,
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций,
ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Цыремпилова Виктория Эдуардовна,
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова»

Ведущая организация: **ФГБУН «Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук»**

Защита диссертации состоится 16 мая 2024 г. в 11:00 на заседании диссертационного совета Д 24.2.306.02 при ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» по адресу: 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1, каб. 314.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «ИГУ» по адресу: г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124, а также сайте по адресу: <https://isu.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Ю. В. Елохина

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Китай и Япония входят в число ведущих и наиболее влиятельных государств в международных отношениях первых десятилетий XXI в. За период, прошедший после нормализации отношений в 1970-е гг., стало очевидно существование политических проблем в двустороннем взаимодействии. Одна из них – влияние исторического прошлого, связанного с событиями 1931–1945 гг., на взаимное восприятие стран и политику обоих государств по отношению друг к другу. В современной КНР японская агрессия и преступления военного времени стали фундаментом, на котором сформировалась историческая память китайцев и коллективная травма. Для Японии же события данного периода не менее важны, поскольку они вносят раскол в общество, тем более что страна по-прежнему не готова сформировать на официальном уровне однозначное отношение к тем событиям и выстроить на этой основе взвешенную политическую и дипломатическую позицию.

Актуальность выбранной для исследования темы заключается, прежде всего, в том, что китайско-японские отношения на сегодняшний момент являются важнейшим элементом системы региональных международных отношений в АТР. Соответственно, требуется изучение проблем двустороннего взаимодействия, одной из которых является историческая память о японском вторжении на территорию Китая и войне. Кроме того, на данный момент китайско-японские отношения находятся на этапе сложной трансформации, вызванной как внутренней политикой в обеих странах, так и сдвигами в системе современных международных отношений, изменением потенциала, роли и стратегии КНР в мировой политике. Память в данной ситуации занимает не последнее место в отношениях двух стран. Сама по себе тема памяти в международных отношениях становится все более актуальной на фоне происходящих споров о прошлом и «войн памяти», а китайско-японские отношения являются одним из наиболее показательных примеров современности.

Степень изученности проблемы.

Тема исторической памяти и связанных с ней концепций и понятий представлена широким спектром разнообразных работ в зарубежной и российской науке. В международной исследовательской литературе, начиная с 1970-х гг., издано огромное количество статей и монографий, посвященных данной проблеме, которые раскрывают либо теоретические аспекты проблемы, либо рассматривают развитие памяти в той или иной стране или общности.

В первую очередь необходимо выделить основные работы, посвященные изучению феномена коллективной (исторической) памяти. Данная проблематика рассматривается в целом ряде работ зарубежных социологов, историков, философов и

специалистов по памяти, в частности, М. Хальбвакса¹, Ж. Ле Гоффа², П. Рикёра³ и др. Важнейшей концепцией, описывающей феномен коллективной памяти, является парадигма культурной памяти, предложенная в нач. 1990-х гг. немецким культурологом Я. Ассманом⁴. Активно используется в работах зарубежных ученых, исследующих память того или иного государства, нации или социальной общности концепция «мест памяти» (П. Нора⁵). Важнейшим направлением исследований в «memory studies» является изучение политического использования прошлого. Данная проблема, а также тема влияния современной политики на историю исследуется в работах многих зарубежных ученых.

Отдельно стоит сказать об исследованиях влияния памяти на формирование национальной идентичности, а также использования истории в процессе нациестроительства. Серьезный вклад в развитие темы внесли во второй пол. XX в. британские историки, например, Э. Хобсбаум⁶.

Становление отечественных исследований памяти пришлось уже на постсоветский период. Оно берет начало во второй пол. 1990-х гг., а пик интереса пришелся на 2000–2020-е гг. «Первопроходцами» в изучении исторической памяти в России можно считать Л. П. Репину⁷, А. И. Миллера⁸ и др.

Историческая память о событиях 1931–1945 гг. в китайско-японских отношениях в различных аспектах весьма подробно исследована в современной российской и зарубежной (западной, китайской и японской) историографии. Отечественные авторы обращаются как к теме самой японо-китайской войны 1937–1945 гг., так и к вопросам коллективной памяти и исторической политики в Китае и Японии, а также к проблеме влияния конструкторов памяти на двусторонние отношения. В работах ис-

¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М. : Новое издательство, 2007. – 348 с.

² Ле Гофф Ж. История и память / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. К. З. Акопяна. – М. : РОССПЭН, 2013. – 303 с.

³ Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр ; пер. с франц. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

⁴ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

⁵ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – С. 17–50.

⁶ Hobsbawm E. Introduction: Inventing Traditions / E. Hobsbawm // The Invention of Tradition ; ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. – Cambridge University Press, 2013. – P. 1–14.

⁷ Репина Л. П. Историческая память и история историков / Л. П. Репина // Исторические записки. – 2010. – № 13 (131). – С. 160–170; Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2016. – № 54. – С. 9–15.

⁸ Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. / А. И. Миллер // Историческая политика в 21 веке ; под ред. А. И. Миллера и М. А. Липман. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – С. 7–32.; Миллер А. И. Россия: власть и история / А. И. Миллер // Pro et Contra. – 2009. – Т. 13. – № 3–4 (46). – С. 6–23.

следователей освещаются отдельные сюжеты и проблемы исторической памяти о войне: Нанкинская резня, тема «женщин для утешения», проблемы храма Ясукуни и японских учебников истории и т.п. Однако комплексный взгляд на выбранную для исследования проблематику в российском исследовательском пространстве по-прежнему не представлен.

Проблема памяти о событиях 1931–1945 гг. в отношениях Китая и Японии стала исследоваться после распада СССР. В первые десятилетия XXI в. тема развития исторической памяти о войне 1931–1945 гг. в КНР и Японии и их двусторонних отношениях оказалась одним из наиболее востребованных и актуальных направлений в российском научном сообществе. Ключевые аспекты проблемы отражены в коллективных монографиях и сборниках статей, из которых стоит упомянуть, в частности, работу «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями»⁹. Однако в отечественном исследовательском поле практически отсутствуют работы, которые дали бы ретроспективный взгляд на эволюцию роли исторической памяти в послевоенные десятилетия. Пожалуй, едва ли не единственным исследованием такого рода является работа В. А. Перминовой¹⁰, которая рассматривает эволюцию памяти о войне как важнейший фактор китайско-японских отношений в 1950–1980-е гг. Особенности памяти в Китае и Японии и историческая политика государств являются слабо рассмотренными темами. Они исследуются лишь в некоторых статьях отечественных авторов. Например, характеристике японской исторической памяти посвящены работы В. А. Гринюка¹¹ и П. В. Кульневой¹². О. Н. Борох, А. В. Ломанов¹³ и Б. О. Хубриков¹⁴ в своих трудах рассматривают память в КНР. Тема «женщин для утешения» отражена в работах В. О. Кистанова¹⁵, И. В. Дьячкова¹⁶. Нанкинская резня как элемент исторической памяти Китая и Японии

⁹ Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями : коллективная монография / под. ред. Д. В. Стрельцова. – М. : Аспект Пресс, 2022. – 336 с.

¹⁰ Перминова В. А. Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века / В. А. Перминова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2021. – № 20(4). – С. 80–90.

¹¹ Гринюк В. А. Япония: проблема исторической ответственности / В. А. Гринюк // Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – № 5. – С. 39–51.

¹² Кульнева П. В. Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом / П. В. Кульнева // Японские исследования. – 2019. – № 4. – С. 103–119.

¹³ Борох О. Н., Ломанов А. В. Китай: возвращение Небесного повеления / О. Н. Борох, А. В. Ломанов // Pro et Contra. – 2009. – № 3–4. – С. 65–88.

¹⁴ Хубриков Б. О. Историческая политика в современном Китае: конструируя прошлое, воображая будущее / Б. О. Хубриков // Международная аналитика. – 2022. – № 13(3). – С. 145–156.

¹⁵ Кистанов В. О. Япония и Корейский полуостров: текущие проблемы отношений / В. О. Кистанов // Японские исследования. – 2016. – № 1. – С. 72–81.

¹⁶ Дьячков И. В. Историческая память и политика: проблема «женщин для утешения» в современных южнокорейско-японских отношениях / И. В. Дьячков // Японские исследования. – 2019. – № 4. – С. 72–87.

весьма слабо исследована в литературе. Еще сложнее ситуация с изученностью проблемы японских учебников истории, потому как эта тема освещается в обзорных статьях как часть общей картины, тогда как она является самодостаточной. Проблема святилища Ясукуни как определяющего фактора китайско-японских отношений является более исследованной по сравнению с предыдущими нарративами. Она рассматривается в статьях В. А. Гринюка¹⁷, П. В. Кульневой¹⁸ и др.

Проблема исторической памяти о событиях 1931–1945 гг. в китайско-японских отношениях, ее основные «места», а также особенности коллективной памяти и исторической политики Китая и Японии гораздо шире и глубже освещены в зарубежной историографии, прежде всего, западной, которая, по сути, на данный момент является ведущей в международной науке.

Существует ряд работ, в которых исследователи рассматривают особенности китайско-японских отношений и внешней политики обоих государств (например, труды К. Роуз¹⁹, Б. Бузана и Э. Гох²⁰). Широко изучены ключевые сюжеты и инструменты памяти в обеих странах и двусторонних отношениях. Стоит упомянуть работы таких исследователей, как Р. Миттер²¹, Ф. А. Ситон²² и др. Отдельные направления исторической памяти как элемента китайско-японских отношений также широко рассмотрены следующими зарубежными исследователями: К. Роуз²³, Ф. Джейкоб²⁴, К. Глюк²⁵, Ш. А. Смит²⁶ и др.

Китайская литература представлена исследованиями авторов как из самой КНР, так и работающих в японских, американских, азиатских и европейских научных центрах. Важно отметить, что данный фактор зачастую является определяющим, поскольку ученые, работающие в КНР, нередко через свои труды, касающиеся

¹⁷ Гринюк В. А. Политические проблемы храма Ясукуни / В. А. Гринюк // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – № 4. – С. 38–52.

¹⁸ Кульнева П. В. Проблема почитания душ японских подданных колониального периода в храме Ясукуни / П. В. Кульнева // Вестник Института востоковедения РАН. – 2021. – № 3 (17). – С. 75–85.

¹⁹ Rose C. Interpreting history in Sino-Japanese relations: a case study in political decision-making / C. Rose. – Routledge, 1998. – 272 p.

²⁰ Buzan B., Goh E. Rethinking Sino-Japanese Alienation: History Problems and Historical Opportunities / B. Buzan, E. Goh. – Oxford University Press, 2020. – 368 p.

²¹ Mitter R. China's Good War: How World War II Is Shaping a New Nationalism / R. Mitter. – The Belknap Press of Harvard University Press, 2020. – 337 p.

²² Seaton P. A. Japan's Contested War Memories / P. A. Seaton. – Routledge, 2007. – 272 p.

²³ Rose C. The battle for hearts and minds: Patriotic education in Japan in the 1990s and beyond / C. Rose // Nationalism in Japan : ed. by N. Shimazu. – Routledge, 2006. – Pp. 131–154.

²⁴ Jacob F. Japanese War Crimes during World War II Atrocity and the Psychology of Collective Violence / F. Jacob. – Praeger, 2018. – 224 p.

²⁵ Gluck C. What the World Owes the Comfort Women / C. Gluck // Mnemonic Solidarity. Global Interventions : ed. by J.-H. Lim, E. Rosenhaft. – Palgrave Macmillan, 2021. – Pp. 73–104.

²⁶ Smith S. A. Intimate Rivals: Japanese Domestic Politics and a Rising China / S. A. Smith. – Columbia University Press, 2015. – 384 p.

памяти в китайско-японских отношениях, продвигают официальную точку зрения партийного и государственного руководства Китая. Они также практически не затрагивают «закрытые темы» истории КНР. Исследователи китайского происхождения, работающие за рубежом, освещают более широкий спектр тем и проблем в своих трудах, подходя к ним более объективно. Тему памяти о войне с Японией в КНР и ее влияние на отношения двух стран, а также отдельные сюжеты рассматривают многие современные китайские авторы. Прежде всего, хотелось бы выделить работы Хэ Инань²⁷, Чжэн Вана²⁸, Чань Яна²⁹, Супин Лу³⁰, Чжаоци Чэна³¹ и др.

В японской историографии темы памяти о войне исследуются многими авторами. В зависимости от взгляда на сами события 1931–1945 гг. и их влияния на китайско-японские отношения можно выделить две группы ученых. К первой относятся исследователи, которые продвигают точку зрения на войну Китая и Японии, заключающуюся в признании вины и ответственности собственной страны за развязывание войны и преступления против мирного населения. Вторую группу представляют японские исследователи, которые являются сторонниками ревизии принятого восприятия войны и стремятся оправдать действия японского руководства 1930-х гг. Развитие памяти о войне как элемента внутренней и внешней политики послевоенной Японии и ее отношений с Китаем, а также отдельные нарративы и аспекты памяти исследуются в работах таких авторов, как Накадзато Нариаки³², Хонда Кацунити³³, Ёсида Такаси³⁴, Нодзаки Ёсико³⁵ и др.

Таким образом, анализ работ отечественных и зарубежных авторов позволяет сделать вывод, что проблема исторической памяти о событиях 1931–1945 гг. в китайско-японских отношениях освещена довольно подробно. Однако существуют от-

²⁷ He Y. War, Myths, and National Identity Formation: Chinese Attitudes toward Japan / Y. He // *National Myths: Constructed Pasts, Contested Presents* : ed. by G. Bouchard. – Routledge, 2013. – Pp. 223–242.

²⁸ Zheng W. Never Forget National Humiliation. Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations / W. Zheng. – Columbia University Press, 2012. – 311 p.

²⁹ Chan Y. World War Two Legacies in East Asia: China Remembers the War / Y. Chan. – Routledge, 2017. – 238 p.

³⁰ A Dark Page in History. The Nanjing Massacre and Post-Massacre Social Conditions Recorded in British Diplomatic Dispatches, Admiralty Documents, and U.S. Naval Intelligence Reports / Ed. with an introduction by L. Suping. – Hamilton Books, 2012. – 286 p.

³¹ Zhaoqi Ch. The Nanjing Massacre and Sino-Japanese Relations Examining the Japanese Illusion School / Ch. Zhaoqi. – Palgrave Macmillan, 2020. – 567 p.

³² Nakazato N. Neonationalist Mythology in Postwar Japan: Pal's Dissenting Judgment at the Tokyo War Crimes Tribunal / N. Nakazato. – Lexington Books, 2016. – 302 p.

³³ Katsuichi H. The Nanjing Massacre: A Japanese Journalist Confronts Japan's National Shame / H. Katsuichi ; ed. by F. Gibney ; transl. by K. Sandness. – Routledge, 2015. – 396 p.

³⁴ Takashi Y. The Making of the «Rape of Nanking»: History and Memory in Japan, China, and the United States / Y. Takashi. – Oxford University Press, 2006. – 279 p.

³⁵ Nozaki Y. War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese History Textbook Controversy and Ienaga Saburo's Court Challenges / Y. Nozaki. – Routledge, 2008. – 219 p.

дельные направления, которые нередко обделены вниманием исследователей, прежде всего, отечественных. В свете этого были поставлены цель и задачи данного диссертационного исследования, которое может заполнить существующие лакуны и дать начало отдельным направлениям исследований, прежде всего, в отечественной науке.

Научная новизна исследования. Проблематика влияния исторической памяти о событиях 1931–1945 гг. на китайско-японские отношения является широко исследованной темой, однако до сих пор в российской и зарубежной науке отсутствует работа, которая представляла бы собой комплексное изучение всех сторон проблемы. Зачастую исследователи в своих работах затрагивают тему исторической памяти поверхностно, без углубления в проблематику направления. Кроме того, в исследовательском поле редко встречаются работы, которые рассматривали бы китайскую или японскую историческую память в контексте тех концепций, которые были предложены основоположниками направления. В частности, в российской литературе отсутствуют работы, изучающие «места памяти» современных Китая или Японии.

Помимо этого, нельзя не отметить существенную нехватку работ, исследующих историю Китая, Японии и их отношений в XX–XXI вв. в контексте исторической памяти в хронологической последовательности с момента окончания Второй мировой войны и до сегодняшнего момента.

Диссертационное исследование призвано в первую очередь восполнить недостаток в российском научном поле работ, посвященных эволюции исторической памяти о войне как фактора китайско-японских отношений на всем протяжении послевоенного периода вплоть до современности. Данная работа представляет собой комплексный взгляд на поставленную проблему, т.е. не только через призму двусторонних отношений, но и в контексте развития исторической памяти в китайском и японском обществах, а также с рассмотрением отдельных составляющих проблемы – тем Нанкинской резни и «женщин для утешения», проблем японских учебников истории и посещения святилища Ясукуни. Исследование позволяет систематизировать изучение обозначенной в теме проблематики. Кроме того, данная работа заполняет лакуны выше обозначенных тем в российской науке. Работа диссертанта позволяет взглянуть на некоторые факторы китайской и японской внутренней политики и отношений двух стран через призму исторической памяти. Также диссертация поднимает проблему исследования исторической памяти не только как инструмента внутренней политики государства, но и как элемента межгосударственных отношений.

Объектом диссертационной работы являются китайско-японские отношения.

Предмет исследования – влияние исторической памяти о событиях 1931–1945 гг. на отношения Китая и Японии.

Цель диссертационного исследования заключается в рассмотрении событий 1931–1945 гг. с последующим анализом влияния памяти о них на историческую политику КНР и Японии и взаимодействие обоих государств в послевоенные годы вплоть до современности.

Задачи исследования:

- изучить основные теоретические положения и концепции научного поля «memory studies»;
- проанализировать историю вторжения Японии в Китай в 1931 г., последующего развития событий и японо-китайской войны 1937–1945 гг.;
- рассмотреть историю общего развития отношений КНР и Японии в 1945–2022 гг.;
- исследовать особенности и трансформацию коллективной памяти о военных событиях и исторической политики в послевоенные десятилетия в Китае и Японии в отдельности;
- выявить основные сюжеты и темы прошлого («места памяти») и важнейшие инструменты исторической политики (коммеморативные практики), оказывавшие влияние на китайско-японское взаимодействие в 1945–2022 гг., с дальнейшим комплексным рассмотрением влияния исторической памяти на отношения двух стран.

Хронологические рамки исследования – 1931–2022 гг., однако этот период подразделяется на два – с 1931 по 1945 гг. и с 1945 по 2022 гг. Исследование первого периода обусловлено необходимостью изучить основные исторические события, связанные с вторжением и дальнейшим развитием военных действий, которые стали основой коллективной памяти, тогда как изучение второго периода предусматривает анализ влияния памяти о событиях первого периода на дальнейшее развитие отношений двух стран. Нижняя хронологическая граница обуславливается тем, что это год вторжения Японии в северный Китай, которое привело в дальнейшем к войне 1937–1945 гг. Верхняя граница – 2022 г. – это год стабилизации китайско-японских отношений после фазы эскалации, последовавшей в 2010–2017 гг. и после пандемии коронавируса.

Нельзя не сказать, что исследование потребовало вкратце обратиться и к историческим этапам, выходящим за нижнюю хронологическую границу, в частности, к последним десятилетиям XIX в. и к 1900–1920 гг. Это объясняется тем, что было необходимо кратко охарактеризовать основные причины, приведшие оба государства к дальнейшему развитию событий.

Территориальные рамки исследования охватывают современные Китай и Японию. В диссертационном исследовании не представлен о. Тайвань. Несмотря на

официальную позицию китайского правительства, заключающуюся в том, что остров является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики, в контексте нашего исследования изучение позиции Тайваня не может быть представлено. Историческая память как фактор взаимоотношений Китайской Республики и Японии является отдельной исследовательской проблематикой, обладающей своими особенностями и спецификой.

Источниковая база исследования. Источники, которые использовались для проведения диссертационного исследования, можно разделить на несколько групп:

1. Официальные документы и нормативно-правовые акты государств, касающиеся исторической политики двух стран и китайско-японского взаимодействия: Конституции КНР и Японии; двусторонние договоры и соглашения; официальные документы государственных структур, партийных и общественных организаций Китая и Японии (в частности, Коммунистической партии Китая, а также японских консервативных исторических организаций), имеющие отношение к двусторонним контактам и к исторической памяти.

2. Сообщения министерств иностранных дел КНР и Японии по темам двусторонних контактов, тексты выступлений лидеров двух стран, министров и прочих официальных представителей, в которых затрагиваются китайско-японские отношения или проблематика памяти; информационные и новостные тексты общественных организаций Китая и Японии.

3. Сообщения в китайских и японских печатных СМИ, их интернет-публикации (китайские издания «Жэньминь жибао» и «Синьхуа», японские издания «Асахи симбун», «Ёмиури симбун», «Майнити симбун», «Санкэй симбун»), а также материалы в российских, европейских, американских и корейских СМИ, косвенно относящиеся к теме двусторонних отношений и исторической памяти.

4. Статистические данные: опубликованные результаты опросов населения по темам исторической памяти и отношения к населению другой страны, показатели экономического взаимодействия стран, результаты количественного контент-анализа материалов издания «Жэньминь жибао», посвященных японской тематике и опубликованных в 2015–2020 гг.

5. Образовательные материалы по истории, используемые в японских учебных заведениях.

Содержание источниковой базы исследования отличается разнообразием. Если говорить о первой и второй группах источников, то документы и нормативно-правовые акты, тексты выступлений лидеров и официальных лиц обеих стран являются довольно сдержанными по содержанию в оценках общего прошлого и в выражении памяти о нем. Пресс-релизы и заявления дипломатических ведомств и их представителей иллюстрируют официальную позицию государств более подробно.

В частности, китайские дипломаты в оценках японского отношения к памяти о войне нередко не стесняются в использовании эмоциональных суждений. Данная группа источников позволяет рассмотреть особенности развития двусторонних отношений и официальную позицию руководства Китая и Японии по историческим вопросам. В то же самое время документы общественных организаций дают возможность выделить отношение к памяти о войне политических структур, использующих ее в своих целях. В случае с Китаем тема японской военной агрессии служит инструментом формирования китайской идентичности и лояльности к партийной и государственной власти, используемым КПК. Если же говорить о Японии, то проблема памяти о войне является важнейшим элементом ревизионистской политики правых и консервативных общественных организаций (в частности, Японского общества реформы учебников истории (Цукурукай)).

Третья, четвертая и пятая группы источников позволяют рассмотреть общественное мнение в обеих странах по отношению друг к другу в целом и в контексте памяти о войне в частности. Ключевые китайские СМИ (партийное издание «Жэньминь жибао» и государственное издание «Синьхуа») фактически продолжают и развивают официальную точку зрения руководства партии и страны, которая из-за этого становится формально и общественной. Ввиду этого исследование общественного мнения в Китае оказывается затруднительным. Что касается японских СМИ, то в контексте исследуемой проблемы они иллюстрируют относительное разнообразие общественных оценок военного прошлого Японии и памяти о нем. Скажем, издание «Асахи симбун» представляет либеральную и прогрессивную точку зрения на войну, т.е. осуждает ее, а к консервативным действиям японских политиков и общественных деятелей (например, посещения храма Ясукуни) относится критически. Схожую позицию занимает издание «Майнити симбун». В то же время «Ёмиури симбун» представляет консервативный и сдержанный взгляд на войну и память о прошлом, а примером отражения правых и националистически-консервативных взглядов с оправданием агрессии и защитой памяти о японских военных (солдатах, офицерах и командующих) является издание «Санкэй симбун».

Представленная источниковая база исследования дает возможность провести комплексное исследование проблематики, проследить официальную позицию руководства Китая и Японии, общественное отношение к памяти о войне, тем самым представив более полную картину развития проблемы.

Методология исследования.

Для проведения комплексного исследования темы использовался аппарат разнообразных общенаучных и специальных методов. Во-первых, историко-описательный, позволивший обобщить и описать полученный в ходе анализа научной литературы и источников (воспоминаний, СМИ, официальных документов и

проч.) объем информации по теме исследования. Во-вторых, нарративный, который дал возможность выделить и рассмотреть ключевые повествовательные элементы (нарративы), выразившиеся впоследствии в исторической памяти, а также их основу. В-третьих, историко-генетический, благодаря которому были выявлены причины особенностей современного развития исторической памяти в Китае и Японии. В-четвертых, был использован сравнительный метод, позволивший рассмотреть общие черты и отличия этапов развития исторической памяти как фактора китайско-японских отношений. Для выявления закономерностей взаимозависимости развития двусторонних отношений и исторической памяти использовался также количественный и качественный контент-анализ.

В данном диссертационном исследовании для обозначения предмета исследования термины «историческая память» и «коллективная память» используются как синонимы.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в том, что опыт развития китайской или японской исторической политики может изучаться и применяться государственными и общественными акторами в России. Выявленные тенденции развития китайско-японских отношений (прежде всего, взаимосвязь двусторонних отношений и работы государств с исторической памятью) позволяют прогнозировать процессы, которые на них влияют и их формируют. Результаты исследования диссертанта представляют и теоретическую пользу, т.к. основываются на анализе большого объема источников и отечественной и зарубежной литературы, относящегося к теме исторической памяти и китайско-японских отношений. Приведенные предположения могут развить российскую школу «memory studies». Результаты могут быть использованы для разработки учебных программ российских высших учебных заведений, образовательных материалов и пособий, лекций и семинарских занятий.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Историческая (коллективная, культурная) память представляет собой социокультурное явление, заключающееся в восприятии общностью в современности тем и сюжетов собственного прошлого. Последние могут использоваться государственными, политическими и общественными акторами в своих целях. Память является одной из основ коллективной идентичности, в том числе и такой, как нация, ввиду чего становится инструментом государственной политики в области укрепления национальной общности. Кроме того, историческая память как элемент и инструмент политики государства влияет не только на внутреннее развитие государства и общества, но зачастую играет важную роль в межгосударственных отношениях.

2. В 1931–1945 гг. в истории Китая и Японии происходили события, определившие дальнейшее развитие обеих стран и последующие тенденции в двусторонних отношениях. Это вторжение Японии в северный Китай и оккупация Маньчжурии и сопредельных территорий с последующим образованием марионеточного государства Маньчжоу-го; японо-китайская война 1937–1945 гг., сопровождавшаяся захватом территорий и гибелью миллионов китайских и японских солдат, офицеров, а также мирных граждан. Кроме того, японская армия при прямом содействии, руководстве и попустительстве командования совершала военные преступления против мирных граждан.

3. Наиболее известные из этих преступлений – Нанкинская резня 1937 г., в которой погибло, по разным подсчетам, от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч мирных граждан; формирование японским командованием на оккупированной территории т.н. «станций для утешения», т.е. легальных солдатских и офицерских публичных домов, в которых использовались «женщины для утешения» – девушки разных национальностей, прежде всего, кореянки и китайки, зачастую бывшие похищенными или принуждаемыми к работе на «станциях». Многие из этих девушек погибли или пропали без вести.

4. Данные трагические события и военные преступления японской армии стали темами и сюжетами, сформировавшими коллективную память о войне у китайского населения и повлиявшими на конструирование национальной идентичности, которая формировалась в послевоенный период. Эти сюжеты легли в основу коллективных травм китайского народа, определили развитие исторической памяти и повлияли на отношение к Японии и японцам. В то же самое время для послевоенного японского общества события 1931–1945 гг. также стали основой обновленной идентичности и сформировали платформу для будущих противоречий, разделяющих японское общество.

5. В первые послевоенные десятилетия (1950–1970-е гг.) темы памяти о японо-китайской войне почти не поднимались ни в Китае, ни в Японии, соответственно, не имели влияния на двусторонние отношения. Однако в 1970-е гг. начался процесс коллективного «вспоминания», когда элементы исторической памяти о событиях 1931–1945 гг. стали все более активно обсуждаться в японском обществе. В КНР данный процесс начался позже и был и остается регулируемым со стороны государства.

6. С 1980-х гг. после ряда инцидентов историческая память о военных событиях занимает прочное место в китайско-японских отношениях, начинает определять политику государств по отношению друг к другу. Возникает тема «забвения» японскими властями трагического прошлого, за что их критикует китайское руководство. С этого момента и вплоть до современности тема памяти, основанная на требовани-

ях КНР по отношению к Японии «помнить свое прошлое», «извлекать уроки из истории» и признавать военную агрессию, становится одним из элементов фундамента двустороннего взаимодействия.

7. Первые десятилетия XXI в. показали, что историческая память о событиях военного времени имеет важнейшее значение в китайско-японских отношениях. Для КНР память в период руководства Си Цзиньпина становится одной из опор китайской национальной идентичности. В 2012–2022 гг. активизируется историческая политика, а память о войне с Японией становится частью ее содержания. Что же касается Японского государства, то в 2000–2010-е гг. продолжается политика замалчивания и «забвения» событий 1931–1945 гг., сложившаяся еще в 1990-е гг. Данный факт становится причиной для конфликтов между КНР и Японией. Для китайской стороны историческая память также становится инструментом внешнеполитического давления на соседа по региону.

8. Важнейшими элементами исторической памяти, влияющей на китайско-японские отношения, являются сюжеты, связанные с Нанкинской резней и «женщинами утешения». Кроме того, двустороннее взаимодействие во многом определяется использованием японским политическим истеблишментом инструментов исторической политики, таких как регулирование содержания учебников истории и посещение государственным чиновниками храма Ясукуни. Они определяют отношение китайского и японского обществ друг к другу в контексте памяти о войне, влияют на настрой китайско-японских отношений с 1980-х гг. и являются спорными моментами исторической памяти, которые не позволяют наладить полноценное сотрудничество.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование было подготовлено на кафедре мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского государственного университета. Результаты, полученные в ходе работы над темой, были отражены в пяти публикациях в научных рецензируемых изданиях. Из них четыре статьи опубликованы в журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии, по специальности 5.6.2 «Всеобщая история» и одна – по специальности 5.6.1. «Отечественная история».

Диссертант принимал участие в конференциях международного и всероссийского уровней: во Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «КЛИО» в 2021 и 2022 гг. (г. Иркутск), во Всероссийской научной конференции «Культура народов в социальном пространстве и времени» в 2021 г. (г. Иркутск), в Международной научной конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений «Россия – Монголия: 100 лет вместе» в 2021 г. (г. Иркутск), в V Международной научной

конференции «Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока» в 2022 г. (г. Новосибирск).

В 2022 г. был получен грант Иркутского государственного университета на реализацию исследования по проекту «Коммеморативные практики в Китае и Японии в кон. XX – нач. XXI вв.: общие черты и особенности». Было опубликовано две работы.

На основе материалов диссертационного исследования в 2023 г. была разработана рабочая программа дисциплины Б1.В.ДВ.01.01 «Проблема исторической памяти в современных международных отношениях в Северо-Восточной Азии» в рамках направления 41.03.05 Международные отношения.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав и заключения.

II. Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, выявляется степень ее изученности, определяются цели, задачи, территориальные и хронологические рамки, характеризуются использованные источники, раскрывается методологическая основа, научная новизна, практическая значимость работы, а также описываются положения, выносимые на защиту.

В **главе первой «Историческая память как проблема и предмет исследования»** исследуются основные теоретические положения работы, связанные с пониманием коллективной памяти, ключевыми концепциями исследования исторической памяти, а также взаимосвязью памяти и коллективной национальной идентичности. Данная глава состоит из трех параграфов. **Первый параграф «Историческая память: основные подходы»** посвящен рассмотрению важнейших концепций, существующих в рамках изучения исторической памяти.

Историческая (или коллективная) память стала объектом исследований ученых в первые десятилетия XX в., а всплеск интереса к данному феномену пришелся на 1970–2000-е гг. «Отцом-основателем» направления «memory studies» считается французский социолог М. Хальбвакс, который в 1925 г. впервые ввел в научный оборот понятие «коллективная память». Немаловажной является концепция культурной памяти, разработанная немецким историком Я. Ассманом и его супругой, культурологом А. Ассман в 1990–2010-е гг. Многие исследователи особое внимание уделяли феномену мифа как основы культурной памяти. Самостоятельные концепции мифа предложены в работах А. Ф. Лосева, Р. Барта и М. Элиаде. Основываясь на анализе их теоретических разработок, следует подчеркнуть, что миф как форма

мыследеятельности и смыслообразования может служить моделью для формирования представлений о содержании исторической памяти общества.

В параграфе втором «Особенности функционирования исторической памяти» уделяется внимание тем феноменам и структурным элементам, которые составляют суть и содержание феномена коллективной памяти и описывают особенности ее функционирования в обществе: «места памяти», «коллективная травма», «забвение», «коммеморация», «историческая политика».

В последней трети XX в. французским историком П. Нора предложена концепция «мест памяти». Особое развитие в работах исследователей в 1990–2000-е гг. получил такой феномен, как культурная, или коллективная, травма. К определению и изучению травмы существует несколько подходов, предложенных П. Штомпкой, Дж. Александером, Н. Смелзером и др. Кроме вышеупомянутых конструктов и аспектов памяти, в диссертационном исследовании уделено внимание анализу подходов к понятию «коммеморация», а также к изучению политического использования прошлого.

Третий параграф «Место исторической памяти в процессе формирования национальной коллективной идентичности» посвящен исследованию взаимосвязи коллективной памяти и национальной идентичности, особенностей влияния исторического прошлого на процесс формирования нации.

Историческая память представляет собой явление социально сконструированное. Отсюда, по мнению исследователей и памяти, и нации, берется ее исключительное место в формировании коллективной идентичности, особенно национальной. В диссертационной работе рассматриваются подходы к данному вопросу, предложенные Э. Ренаном и Э. Дюркгеймом. Уделяется внимание концепциям историков-исследователей феномена нации: Б. Андерсона (теория «воображаемых сообществ») и Э. Хобсбаума (концепция «изобретения традиций»). Сделан вывод, что разработки этих исследователей представляют особую ценность для изучения исторической памяти как инструмента государственной политики и одной из основ национальной идентичности.

В главе второй «Китайско-японские отношения в 1931–1945 гг.» рассматриваются особенности развития Японии и Китая в первой трети XX в., проблемы их двусторонних отношений в данный период, этапы развития военного конфликта в 1931–1945 гг., а также военные преступления Японии, ставшие в будущем основой исторической памяти Китая и Японии о войне. Данная глава включает в себя четыре параграфа.

Первый параграф «Развитие государств и их двусторонних отношений в преддверии событий 1931–1945 гг.» посвящен анализу причин японо-китайского военного конфликта, развития обоих государств в первые десятилетия XX в. и ки-

тайско-японских отношений в преддверии вторжения Японии в 1931 г. Данный параграф состоит из трех подразделов. В подразделе **«Япония: внутривнутриполитическое и идеологическое развитие»** анализируются особенности внутривнутриполитического и экономического развития империи в нач. XX в., а также особенности внешнеполитического курса, в конечном счете превратившиеся в комплекс причин, приведших к началу войны. Развитие Японской империи в преддверии вторжения в Маньчжурию в 1931 г. рассматривается многими исследователями как противоречивое, что и привело к усилению националистических и милитаристских тенденций. Подраздел **«Китай в преддверии японского вторжения: кризис государственности»** посвящен исследованию особенностей и проблем развития Китая после Синьхайской революции. К 1931 г. Китай представлял собой разобщенное государство, находившееся в тяжелейшем политическом, экономическом и социальном кризисе. В 1920-е гг. страна оказалась разрезана фронтами начавшейся Гражданской войны между коммунистами, Гоминьданом и другими силами. Это, определенно, не в последнюю очередь повлияло на развитие экспансионистских устремлений со стороны Японии. В подразделе **«Развитие китайско-японских отношений до 1931 г.»** рассматриваются межгосударственные отношения в предвоенный период. Отмечено, что конфликтный потенциал китайско-японских отношений был заложен еще на рубеже XIX–XX вв. На это повлияли и кризис китайской государственности с переходом в полукOLONиальное состояние и ослаблением страны, и противоречивое положение Японии в регионе, которая была ведущей державой, однако не единственным актором. Исследуются довоенные попытки Японской империи усилить контроль над северо-восточной частью Китая, эпизоды вмешательства в дела государства в предвоенный период.

Во втором параграфе **«Японское вторжение в Китай в 1931 г. и развитие конфликта»** исследуется японо-китайский конфликт 1931–1937 гг., внутривнутриполитические процессы в обоих государствах в данный период и двусторонние отношения в контексте военного конфликта.

«Маньчжурский инцидент» 1931 г. привел к началу вторжения японских войск на территорию северо-востока Китая, захвату Маньчжурии и образованию государства Маньчжоу-го, подконтрольного Японии. Однако это не привело к мобилизации китайского общества против агрессора, а только лишь усугубило гражданское противостояние между Гоминьданом и коммунистами. Если же говорить о Японии, то внутри страны произошло усиление радикальных настроений в обществе и милитаристских группировок, что в итоге привело к ряду неудавшихся попыток военных мятежей.

Третий параграф **«Японо-китайская война 1937–1945 гг.»** исследует основные этапы полномасштабной войны двух государств в 1937–1945 гг. В данном

параграфе два подраздела. В первом подразделе **«Начало войны и развитие боевых действий в 1937–1941 гг.»** рассматриваются первые этапы войны – с 1937 по 1938 гг. и с 1938 по 1941 гг. В первые месяцы после начала боевых действий в июле 1937 г. японская армия проводила активные наступательные операции. На следующем этапе Япония предприняла несколько попыток решить конфликт политическим путем, в том числе через образование ряда подконтрольных правительствам и государственным образованиям. Период с 1938 по 1941 гг. также ознаменован развитием планов вторжения Японии на территорию Юго-Восточной Азии и ухудшением отношений с США. Второй подраздел **«Развитие военных действий в Китае в 1941–1945 гг.»** посвящен рассмотрению следующих этапов японо-китайской войны, ставшей частью Второй мировой войны и конфликта Японии и США. В декабре 1941 г. после нападения японских войск на базу Перл-Харбор началась война между Японской империей и Соединенными Штатами. Кроме того, Императорская армия развивала поначалу удачное наступление в Юго-Восточной Азии. Однако в результате этого армия оказалась рассредоточена по региону и задействована в боях в Китае, на юге Азии, на Филиппинах и т.д. В итоге война закончилась для Японии капитуляцией в 1945 г.

Четвертый параграф «Военные преступления японской армии в Китае как объекты исторической памяти» посвящен изучению Нанкинской резни 1937 г. и использованию японской армией системы «станций для утешения».

В период с 1931 по 1945 гг. происходили события, позже расцененные международными трибуналами как военные преступления японских вооруженных сил, либо воспринимаемые как таковые. Они совершались на оккупированных территориях Азии. Современные исследователи относят к преступлениям, совершавшимся в Китае, прежде всего, Нанкинскую резню 1937 г. и создание системы «станций утешения». В диссертационном исследовании рассматриваются особенности формирования и работы системы. В части, посвященной Нанкинской резне, исследуются подходы к трактовке событий и определению числа жертв, а также анализируются сами события декабря 1937 г.

Третья глава «Историческая память в китайско-японских отношениях в 1945–2022 гг.» рассматривает историческую память о событиях 1931–1945 гг. как самостоятельный фактор китайско-японских отношений в 1945–2022 гг. и посвящена изучению влияния памяти и ее основных элементов на послевоенные отношения двух государств. Данная глава состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Общая характеристика китайско-японских отношений в 1945–2022 гг.» рассматривает особенности развития двусторонних отношений в послевоенные десятилетия вплоть до начала XXI в. В данном разделе выделены основные этапы китайско-японских отношений и ключевые события в рамках

межгосударственного взаимодействия. Отмечается, что на всем протяжении выбранного для исследования периода важнейшую роль в двусторонних отношениях играла экономическая составляющая. Политическое взаимодействие отличается нестабильностью и конфронтационностью, которая периодически имеет место в двусторонних отношениях.

Второй параграф «Историческая память в Китае и Японии в 1945–2022 гг.: особенности развития», посвященный анализу особенностей памяти о войне 1931–1945 гг. в Китае и Японии, состоит из двух подразделов. Первый – **«Развитие исторической памяти в Китае»** – рассматривает важнейшие особенности памяти о японо-китайских военных действиях в Поднебесной и ключевые этапы ее становления и развития. Отмечается, что период с кон. 1970-х по нач. 1990-х гг. стал временем формирования современной китайской исторической политики и памяти о войне. В эти годы японо-китайская война постепенно стала ведущим сюжетом в китайской коллективной памяти по ряду причин, подробно рассмотренных в диссертационном исследовании. С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. начался новый этап развития исторической памяти о войне с Японией. На нее как на важнейшую часть патриотического и идеологического воспитания было обращено особое внимание. В данный период происходит трансформация характера конструкта японо-китайской войны в контексте «великого возрождения китайской нации». Вторым подразделом **«Развитие исторической памяти в Японии»** посвящен анализу основных особенностей памяти о войне в Японии и процессу ее трансформации. В данном подразделе также выделены основные периоды развития исторической памяти о войне в Японии. В первые десятилетия вплоть до нач. 1970-х гг. война еще не стала полноценным «местом памяти» Японии. В 1970-е, 1980-е и начало 1990-х гг. происходило становление подходов к памяти о войне в Азии. 1990-е и нач. 2000-х гг. стали временем формирования, усиления влияния и, как следствие, закрепления консервативного видения истории в официальном дискурсе и политической жизни. К 2022 г. тема войны превратилась в предмет общественного спора и конфликта, став «местом памяти», вносящим конфронтацию в японское общество.

Третий параграф «Историческая память в китайско-японских отношениях в 1945–2022 гг.» состоит из двух подразделов. Первый – **«Эволюция исторической памяти как элемента китайско-японских отношений»** – посвящен анализу места памяти о войне между Японией и Китаем 1931–1945 гг. в послевоенный период вплоть до 2022 г. В данном подразделе анализируется процесс превращения памяти о войне между Китаем и Японией в элемент исторической политики и объект конфликта между государствами. Отмечается, что проблемой для китайско-японских отношений память о войне стала только в 1980-е гг., когда возник ряд международных конфликтов на этой почве. В итоге отличающееся восприятие вой-

ны в обеих странах превратилось в камень преткновения в двусторонних отношениях. С 1990-х гг. в риторике китайских официальных лиц все чаще стали звучать претензии в адрес Японии по поводу памяти о событиях 1931–1945 гг. и требования формирования «правильного взгляда на прошлое». Японская сторона, в свою очередь, в 1990-е гг. сделала несколько шагов в сторону принесения извинений и признания вины за агрессию. Однако 2001–2006 гг. были ознаменованы эскалацией конфликта по поводу отношения к исторической памяти о войне со стороны главы японского правительства Коидзуми Дзюньитиро. Очередное ухудшение отношений с 2010–2012 гг. привело к новой актуализации исторических вопросов. В 2012–2022 гг. тема исторической памяти стала гораздо чаще использоваться как инструмент давления китайского руководства на японское правительство в международных вопросах, а к 2022 г. историческая память о войне Японии и Китая закрепились в качестве и проблемы двусторонних отношений. Во втором подразделе **«Влияние отдельных элементов исторической памяти на китайско-японские отношения»** анализируется место в двухсторонних отношениях основных проблем и сюжетов, связанных с памятью о войне и японской агрессии, и их эволюция в 1945–2022 гг. Для исследования выбраны следующие темы и проблемы: японские учебники истории, храм Ясукуни как место поминовения погибших солдат Императорской армии и военных преступников, Нанкинская резня, «женщины для утешения». Содержание японских учебников по истории и описание в них событий 1931–1945 гг. является одной из ключевых проблем послевоенной коллективной памяти японцев и отношений Японии с Китаем. Проблема храма Ясукуни также изначально являлась внутриполитическим делом Японии. Однако после внесения в реестр храма имен военных преступников классов «А», «В», «С» в 1970-е гг. и в результате посещения святилища премьер-министром Накасонэ Ясухиро в августе 1985 г. эта проблема приобрела международный характер. Память о Нанкинской резне и в Китае, и в Японии прошла трансформацию от состояния забвения до одного из наиболее политизированных нарративов японо-китайской войны 1937–1945 гг. Тема «женщин для утешения» для современной КНР не является основной в отношениях с Японией, в отличие от Республики Корея, и стоит лишь в одном ряду с другими примерами японской агрессии военных лет.

В заключении сформулированы основные выводы диссертации:

1. Историческая память имеет свои особенности, в частности, опирается на эмоциональную составляющую человеческой личности, может регулироваться, актуализироваться или предаваться забвению. В основе коллективной памяти лежат конструкты, устроенные схожим образом с мифами, т.е. представляющие собой целостные смыслообразующие сюжеты. Особое место историческая память занимает в процессе формирования идентичности коллективных общностей, например, наций.

В данном диссертационном исследовании наиболее важным является феномен исторической политики, поскольку исследуется именно политическое использование прошлого.

2. Основой памяти являются события в прошлом. Соответственно, влияние памяти на китайско-японские отношения базируется на определенных исторических процессах, происходивших в двусторонних отношениях. В данном диссертационном исследовании рассматривается влияние памяти о событиях 1931–1945 гг. на китайско-японские отношения в 1945–2022 гг. К данным событиям относятся: вторжение Японии в Маньчжурию и дальнейшая ее оккупация; японо-китайская война 1937–1945 гг., активная фаза которой пришлась на 1937–1938 гг.; оккупация территории Китая, разрушение городов и поселений, инфраструктуры; военные преступления против населения; уничтожение миллионов китайских военнослужащих и мирных жителей.

3. Военные преступления, совершаемые в ходе боевых действий, нередко впоследствии составляют основу для коллективной памяти виктимного характера и формирования культурной (коллективной) травмы.

Японская армия в ходе оккупации китайской территории совершала множество акций против мирного населения, которые впоследствии либо были признаны военными преступлениями международными трибуналами, либо получили подобную оценку в общественном сознании. Наиболее известными из этих преступлений стали Нанкинская резня 1937 г. и создание японским командованием на оккупированной территории т.н. «станций утешения».

4. В послевоенные десятилетия японо-китайская война и военные преступления Императорской армии стали основой для виктимной памяти китайского общества. Они повлияли на формирование коллективной идентичности. Также данные сюжеты позволили сформировать отношение к Японии и японцам, легли в основу коллективной травмы китайского народа. Для японского общества война с Китаем также стала основой для формирования послевоенной идентичности. Однако в отличие от КНР в Японии нет единого общеупотребимого отношения к событиям 1931–1945 гг. ввиду особенностей ее политического развития. Таким образом, для современных Китая и Японии тема войны является основополагающей в современной исторической памяти двух государств и обществ.

5. В первые послевоенные десятилетия вплоть до начала 1970-х гг. тема японо-китайской войны не была актуализирована ни в одном из государств. Соответственно, она не имела определяющего влияния и на двусторонние отношения Китая и Японии. В 1970-е гг. началось активное «вспоминание» сюжетов и тем японо-китайской войны 1937–1945 гг. в Японии среди общественных групп, политических партий, СМИ, образовательных структур и т.д. В КНР тема войны с Японией была

актуализирована на рубеже 1970–1980-х гг. после отказа от ряда идеологических парадигм времен маоизма. Данный процесс также регулировался со стороны КПК и государства. Японо-китайская война стала одним из сюжетов общего дискурса воспоминания китайского общества о своем «унизительном прошлом» в контексте т.н. «века унижений».

6. 1980-е гг. стали периодом фиксации памяти о войне в качестве предмета споров между Китаем и Японией. На этом этапе произошло два ключевых события: конфликт из-за японских учебников истории в 1982 г. и официальный визит премьер-министра Японии Накасонэ Ясухиро в храм Ясукуни в августе 1985 г. Это было воспринято в КНР как оскорбление памяти погибших, в том числе от действий тех военных преступников, которые поминаются в данном святилище. С данного момента историческая память о военных событиях заняла прочное место в китайско-японских отношениях и стала определять характер двустороннего взаимодействия.

7. Подобные тенденции сохранились и в 1990-е, и в 2000-е гг., и проблемы памяти остаются предметом китайско-японских отношений по сей день. В эти годы и в Китае, и в Японии произошло завершение формирования темы войны 1937–1945 гг. и сопряженных с ней событий как фундамента современной исторической памяти обеих стран.

К 2022 г. историческая память о событиях 1931–1945 гг. превратилась в одну из наиболее сложносоставных проблем китайско-японских отношений как в смысле политических отношений, так и в пространстве общественного взаимовосприятия. Политика Японии и усиление давления китайского руководства на партнера по региону по вопросам исторической памяти усиливают конфликт между двумя государствами. В этот период прослеживается взаимосвязь состояния конфликта по вопросу памяти и отношений двух государств и обществ друг к другу.

8. На сегодняшний момент важнейшими сюжетами исторической памяти, влияющими на китайско-японские отношения, являются тема Нанкинской резни и проблема «женщин утешения». Китайские власти негативно реагируют на искажение, с их точки зрения, повествования в образовательных материалах и общественном дискурсе. Что же касается темы «женщин для утешения», то она также является важной для китайской общественности и властей, но уступает в значимости сюжету Нанкинской резни, поскольку составляет культурную травму, прежде всего, корейского народа.

Кроме того, двустороннее взаимодействие во многом определяется использованием японским политическим истеблишментом инструментов исторической политики и коммеморативных практик, таких, как регулирование содержания учебников истории и посещение государственным чиновниками храма Ясукуни. Они определяют отношение КНР к Японии и вызывают протест с китайской стороны. На

данный момент проблема исторической памяти в китайско-японских отношениях является многосоставной и сложной, требующей разрешения, однако на данный момент не имеющей видимых способов и путей для этого.

III. Список публикаций автора по теме диссертации:

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии:

1. Кузьмин К. Е. «Красный туризм» как инструмент исторической политики современного Китая / К. Е. Кузьмин // Российско-китайские исследования. – 2023. – Т. 7. – № 3. – С. 294–303.

2. Кузьмин К. Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях / К. Е. Кузьмин // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. № 2 (39). – С. 238–248.

3. Кузьмин К. Е. Роль исторической памяти в китайско-японских отношениях в 2015–2020 гг. / К. Е. Кузьмин, С. И. Кузнецов // Россия и АТР. – 2021. – № 3 (113). – С. 5–18.

4. Кузьмин К. Е. Роль коммеморативных практик в межгосударственных отношениях (на примере китайско-японских отношений в 2012–2022 гг.) / К. Е. Кузьмин // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2023. – № 2 (50). – С. 89–94.

5. Кузьмин К. Е. Храм Ясукуни как «место памяти» Японии / К. Е. Кузьмин // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2023. – Т. 45. – С. 88–95.

Статьи в прочих научных изданиях:

6. Кузьмин К. Е. Влияние проблем исторической памяти на монгольско-японские отношения во второй половине XX – начале XXI в. / К. Е. Кузьмин // Россия – Монголия: 100 лет вместе : материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию установления российско-монгольских дипломатических отношений. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2021. – С. 147–151.

7. Кузьмин К. Е. Правовое регулирование внешней политики государства (на примере КНР) / К. Е. Кузьмин // Культура народов в социальном пространстве и времени : сборник материалов Всероссийской научной конференции. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2021. – С. 153–156.

8. Кузьмин К. Е. Особенности развития исторической политики в современном Китае / К. Е. Кузьмин // КЛИО-2021 : материалы Всероссийской ежегодной

научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2021. – С. 278–281.

9. Кузьмин К. Е. Празднование 100-летия Коммунистической партии Китая как пример коммеморации в современной КНР / К. Е. Кузьмин // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока : материалы V Международной научной конференции. – Новосибирск : Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2022. – С. 115–120.

10. Кузьмин К. Е. Китайско-японские и южнокорейско-японские отношения через призму trauma studies / К. Е. Кузьмин // КЛИО-2022 : материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2023. – С. 237–239.